

Гимаева Рита Маснавиовна,

кандидат психологических наук, сертифицированный психотерапевт по методу «символдрама», доцент кафедры философии и юридической психологии ФГБОУ ВПО «Владивостокский государственный университет экономики и сервиса», г. Владивосток
grita1959@yandex.ru

Влияние детско-родительских отношений на формирование личностной идентичности женщин, обращающихся за психологической помощью

Аннотация. В статье представлены результаты изучения влияния детско-родительских отношений на формирование личностной идентичности женщин, обращающихся за психологической помощью. На конкретном примере показано негативное влияние недостатка гармоничной аффективной настройки со стороны родителей на формирование идентичности и самооценки. Представлено краткое описание процесса психотерапии случая диффузной личностной и половой идентичности по методу «символдрама».

Ключевые слова: личностная идентичность, половая идентичность, детско-родительские отношения, символдрама.

Раздел: (02) комплексное изучение человека; психология; социальные проблемы медицины и экологии человека.

Термины «личностная идентичность» и «эгоидентичность» были введены в психологию Э. Эриксоном и означают чувство неизменности и тождественности самому себе, несмотря на происходящие в процессе развития изменения, возможность контроля над собой и чувство целостности [1]. Э. Эриксон особое значение придавал проблеме эгоидентичности и её закрепления в культурной идентичности, поскольку считал идентичность именно тем органом эго, который в конце ранней юности интегрирует все стадии детского эго и нейтрализует автократию инфантильного суперэго. По его мнению, эгоидентичность есть единственный внутренний механизм, предотвращающий альянс суперэго с перестроившимися остатками латентной инфантильной ярости. Если же формирование эгоидентичности было нарушено, то инфантильные фиксации и иррациональные конфликты детства вновь и вновь повторяют свои трюки под разнообразными масками, делая поведение и самочувствие человека в определенных ситуациях непонятными и неожиданными для него самого и окружающих [2].

Исследование идентичности Э. Эриксон понимал стратегической задачей своего времени (60-е гг. XX в.), поскольку, как считал ученый, в США пытаются создать суперидентичность из всех идентичностей, привносимых населяющими её иммигрантами; и к тому же происходило это в то время, когда быстро нарастающая механизация угрожала этим, в основном аграрным и аристократическим, идентичностям и на их исторической родине [3]. Особую актуальность проблеме идентичности придает социальная и политическая ситуация, сложившаяся в современной России. Личностная идентичность формируется в тесной связи с групповой и национальной идентичностью, подвергаясь давлению многочисленных вызовов новейшего времени [4].

Знакомясь с судьбами людей, изучая условия их личностного развития в психоконсультационной практике, можно видеть, как перемены в стране затрагивают судьбы наших клиентов вместе с их сознательными и бессознательными запросами в наш адрес. Слова Э. Эриксона актуальны и сейчас: «Сегодняшний пациент страдает

больше всего от отсутствия ответа на вопрос, во что ему следует верить и кем он должен или фактически мог бы быть или стать, в то время как на заре психоанализа пациент страдал больше всего от запретов, которые мешали ему быть тем и таким, как ему казалось, он по сути своей являлся» [5].

Говоря о ценности осознаваемой идентичности, Эриксон приводит в пример З. Фрейда: «Высшая ценность того, что Фрейд называл “первенством интеллекта”, служила краеугольным камнем идентичности первого психоаналитика, дающим ему точку опоры в эпохе просвещения, а также в зрелой идентичности своего собственного народа. Лишь однажды, в обращении к еврейскому обществу Фрейд признал это: “тайное знание идентичной психологической конструкции”. Там же (пользуясь скорее поэтичным, чем научным языком) он указывал на то, что бессознательно, да и сознательно тоже привлекает в евреях: сильные невербализуемые эмоции и чувства и ясное сознание внутренней идентичности. Под конец он упомянул две черты, наличием которых, как он считал, был обязан своему еврейскому происхождению: свободу от предрассудков, сужавших использование интеллекта, и готовность жить в оппозиции» [6].

Идентичность человека складывается под влиянием родителей и общества, в котором он живет, эти влияния тесно связаны между собой, определяя тип взаимодействия между матерью и ребенком, отношение к себе и миру, к другим людям. В современном психоанализе психология самости, или Я-психология Х. Кохута, также рассматривает эти вопросы, делая акцент на формировании самости (сэлф) ребенка на ранних этапах развития под влиянием родителей. Развитие целостного непрерывного чувства себя возможно в том случае, когда родители удовлетворяют потребность ребенка в Я-объектных связях. По словам Х. Кохута, «Я-объектная связь образуется тогда, когда родители отражают переживания ребенка и чутко откликаются на его развивающиеся потребности. Если же ребенок лишен опыта аффективной настройки со стороны заботящегося лица, то неотраженные чувства переживаются им как ненормальные. В результате этого происходит отчуждение от собственных чувств и возникает ощущение потери субъективной реальности. В наиболее тяжелых случаях провал в процессе развития приводит к полному отвержению реальности и разрушению Я» [7].

Целью нашей работы являлось исследование особенностей личностной идентичности женщин, обращающихся за психологической помощью по поводу проблем, связанных с установлением удовлетворяющих их отношений с мужчинами.

Основным методом работы был метод символдрамы, который является методом глубинно ориентированной психотерапии, эффективным при лечении неврозов и психосоматических заболеваний, а также нарушений, связанных с невротическим развитием личности [8–9]. Кроме того, символдрама имеет диагностический аспект.

В данной статье представлен краткий анализ влияния детско-родительских отношений на формирование личностной идентичности, самооценки и идеалов одной из клиенток.

Клиентка Т. И., женщина 52 лет, имеющая высшее образование, верующая, прихожанка лютеранской церкви, разведенная, мать пятерых детей, работающая продавцом, обратилась за психологической помощью со следующей проблемой: неуверенность в себе, чувство неадекватности и неестественности при общении, особенно с мужчинами и при поисках работы, чувство «как будто я какая-то не такая, не взрослая». При этом при общении с мужчинами в роли «своего парня» Т. И. чувствовала себя достаточно уверенно, а «на уровне женщина – мужчина трудно». Указанные проблемы свидетельствуют о диффузной идентичности Т. И., что, по-видимому, наряду с другими её особенностями сказалось на её жизни. Родители Т. И. были научными работниками, отец имел степень доктора, а мать – кандидата наук. Клиентка была

первым ребенком в семье, имеет брата, который младше её на пять лет. Т. И. хорошо училась в школе, затем окончила университет по специальности родителей и десять лет проработала в научно-исследовательском институте. В 19 лет она вышла замуж за бывшего одноклассника, отношения с которым завязались ещё во время учебы в школе. В 20 лет она родила первую дочь. Довольно скоро после рождения дочери муж начал злоупотреблять спиртными напитками, и перед рождением второго ребенка «это обозначилось как проблема». Т. И. всячески боролась с пристрастием мужа, в целом без особых успехов. После рождения третьего ребенка Т. И. удалось убедить мужа лечиться, после предпринятого лечения «несколько лет были благополучными», и клиентка родила ещё двоих детей. Однако вскоре после этого муж опять начал пить, и по этой причине в возрасте 45 лет Т. И. развелась с мужем. Задолго до этого Т. И. ушла работать на завод, была рабочей на вредном производстве, что давало ей возможность содержать семью. Во времена перестройки материальное положение рабочих ухудшилось, и Т. И. стала работать в частных школах преподавателем. К моменту обращения Т. И. работала продавцом, периодически меняя места работы.

При работе с первоначальным запросом клиентки состоялось 14 сеансов, были использованы мотивы основной ступени символдрамы.

При работе с мотивом «цветок» Т. И. представила на зелёном летнем лугу неестественный цветок с тремя белыми твердыми лепестками, что можно интерпретировать как признак диффузной (неопределенной) идентичности, так как на субъектном уровне представляемый цветок символизирует самого клиента. Кроме того, цветок был затерян среди подобных себе цветов и ничем не отличался от них. Рисунок цветка был выполнен на листке бумаги размером в одну восьмую часть листа формата А4, что свидетельствует о явно заниженной самооценке Т. И., так как при адекватной самооценке рисунки обычно выполняются на листе формата А4. Анализ результатов проективных рисуночных тестов также показал сниженный уровень самооценки, а также диффузную половую идентичность Т. И.: в тесте «Рисунок человека» она изобразила мужскую фигуру, а в тесте «Неизвестное животное» – животное неопределенного пола. Кроме того, в интервью и в ходе работы Т. И. рассказывала, что в детстве хотела быть мальчиком, в детских спектаклях играла мужские роли, а любимой одеждой её была матроска. При работе с мотивом «луг» Т. И. представила цветущий летний луг, но при попытке прогуляться по нему оказалось, что это невозможно, так как он заболочен, а растущая на нем трава больно ранит ноги. Образ луга – это материнско-оральный символ, и представленное развертывание образа свидетельствует о фрустрации оральных потребностей клиентки на первом году жизни. При этом речь идет не только и даже не столько об удовлетворении пищевых потребностей, а о специфической откликаемости матери на эмоциональные потребности ребенка в этом возрасте, которые удовлетворяются достаточным контактом «глаза-в-глаза», телесным контактом, непосредственно-эмоциональным общением с ребенком. Вскоре, однако, при представлении того же образа Т. И. оказалась на знакомом лугу из своего детства, где бывала в детстве, отдыхая на даче. Пребывание на этом лугу было приятным и придающим силы.

При работе с мотивом «ручей» Т. И. представила маленький ручеек, затерянный в траве, его маленькие размеры разочаровали её, и, хотя вода в ручье была чистой на вид, клиентка не захотела её попробовать. При следовании вверх по течению ручья Т. И. быстро достигла его истока, где вода еле заметно сочилась из-под земли в густой траве. Ручей – это также материнско-оральный символ, а источник можно рассматривать как символ материнской груди и грудного вскармливания. Образ, представленный Т. И., и неприятные переживания, связанные с представлением образа ручья,

также могут свидетельствовать о нарушении эмоционального контакта с матерью в раннем возрасте. При следовании вниз по течению ручья на следующем сеансе клиентка быстро достигла моря, не встретив никаких препятствий и преград, и наслаждалась прогулкой по берегу моря. Следует отметить, что на этом этапе работы рисунки Т. И. увеличились до формата А3, что является признаком удовлетворения нарциссических потребностей, а затем клиентка всегда использовала бумагу формата А4, что свидетельствует о гармонизации самооценки клиентки.

Следующие сеансы были посвящены работе с мотивом «гора». С диагностической точки зрения каждый образ можно рассматривать как с объектной, так и субъектной позиции. С объектной точки зрения воображаемая гора – это репрезентация наиболее важных для клиента объектов. Горы с округлой вершиной связаны прежде всего с материнско-женским миром, а горы с острой вершиной – отцовско-мужским, поэтому подъем на гору особенно важен для прорабатывания эдипальных проблем, то есть проблем, связанных с половой идентификацией, с развитием половой идентичности.

К моменту начала терапии отношение Т. И. к матери было амбивалентным и даже в большей степени отрицательным. Мать в её воспоминаниях представляла как чрезвычайно тревожная, хронически разочарованная в своем холодном и отстраненном муже, инфантильная женщина. Т. И. обвиняла мать в эмоциональной холодности по отношению к себе, в отсутствии со стороны матери поддержки, в том, что мать способствовала отчуждению Т. И. от отца, так как постоянно жаловалась на него, мать критиковала её внешность и «держала на коротком поводке» своими болезнями, маленькая Т. И. часами просиживала у постели матери, выслушивая обвинения в своем бесчувствии, испытывала чувство вины, не понимая своей вины. Таким образом, речь идет об использовании ребенка для обслуживания собственной потребности в Я-объектах и неумении различать и адекватно отвечать на эмоциональные состояния ребенка. В этом случае ребенок переживает серьезные крушения в развитии его собственного Я. В частности, такие ситуации серьезно препятствуют процессу установления границ Я, так как ребенок чувствует себя принужденным становиться Я-объектом, в котором нуждаются родители, а затем и другие значимые лица, а следовательно, подчинять или диссоциировать собственные центральные аффективные качества, которые вступают в конфликт с этим требованием. Раннее замужество Т. И., возможно, объясняется недостатком эмоционального тепла в отношениях с родителями; в то же время, по словам клиентки, до нынешнего возраста её многие поступки доказывают ей самой, что она может переступить черту, которую в детстве мать начертила на балконе и которую маленькая Тата не смела переступить. Поэтому не удивительно, что первая гора, которую представила Т., была «женской», невысокой, что свидетельствует о низком уровне притязаний и самооценки клиентки, и в нарисованном виде удивительно напоминала женские гениталии. Подъем на эту гору был «нудным и скучным» и не принес Т. И. особого удовлетворения. Ощущения от пребывания на вершине «мужской» горы высотой примерно 1000 м были амбивалентными: с одной стороны, было приятно прижиматься к нагретой солнцем скале на вершине, с другой стороны, было ощущение дискомфорта от бьющего в глаза солнца и «глубокого одиночества». Эти ощущения соответствуют чувствам, которые Т. И. испытывает по отношению к отцу: теплые воспоминания об отношениях с отцом до пятилетнего возраста, давление авторитета отца и холодность в отношениях с ним в подростковом возрасте и юности.

При работе с мотивом «дом» клиентка представила одинокий двухэтажный каменный дом на опушке леса ночью. Себя Т. И. представила тринадцатилетней девочкой, которую дом одновременно привлекал и тревожил. Внутри дом оказался не таким

привлекательным, как снаружи, и даже поразил клиентку малым количеством обжитых комнат, тогда как при внешнем обзоре все комнаты второго этажа были ярко освещены и выглядели очень привлекательно. Согласно существующему опыту, дом переживается прежде всего как выражение собственной личности или одной из её частей. В мотиве «дом» выражаются структуры, в которые пациент проецирует себя и свои желания, пристрастия, защитные установки и страхи. Эти символизированные психические составляющие относятся к эмоционально переживаемым в данный момент самооценкам. В ходе терапии Т. И. отмечала, что всю свою жизнь чувствует себя подростком, что, возможно, определило её возраст в образе. Одна из обжитых комнат была столовой-кухней, где было очень чисто и не было никаких продуктов, что свидетельствует об эмоциональной холодности матери Т. И. в детстве. Вторая комната была маленькой уютной спальней, где находилась двуспальная кровать под балдахином, что отразило желание Т. И. обрести отношения с мужчиной, в том числе сексуальные. Наличие других «непонятных» комнат, в которые нельзя проникнуть, удивило и даже удручило Т. И., так же как и то, что она с трудом ориентировалась в доме и его внутренняя планировка совершенно не совпадала с его фасадом. Приведенное развертывание образа говорит о диффузной идентичности клиентки, слабой рефлексии своего внутреннего состояния.

При работе с мотивом «опушка леса» из леса появилось неизвестное животное похожее на собаку, оно несмело приблизилось к Т. И. и стало ласкаться, Т. И. накормила животное конфетами. Как правило, существо, выходящее из леса, репрезентирует одну из сторон личности человека, представляющего образ, а кормление символизирует принятие этой стороны своей личности. При анализе образа Т. И. отмечала свое стремление помогать, служить людям, быть нужной.

По окончании первого этапа терапии Т. И. отмечала ее следующие положительные результаты: впервые в жизни ей нравилась своя внешность, она стала более уверенной в себе, ее перестали расстраивать отрицательные высказывания в ее адрес, она стала более естественной при общении с мужчинами.

Вскоре после прохождения терапии у Т. И. завязались отношения с мужчиной, которыми она очень дорожила, несмотря на то, что он, как и бывший муж, склонен к злоупотреблению спиртными напитками. Т. И. помогала ему справиться с его пристрастием со всей жертвенностью и самоотверженностью верующей и любящей женщины. За психологической помощью она обратилась вновь в момент небольшого кризиса в их отношениях. При работе с мотивом «сосуд», который символизирует образ женственности, Т. И. представила старинную металлическую вазу в музее, где было темно и мрачно. Затем ей представился пир, где ваза стояла на столе и была наполнена вином, рядом с вазой находился гораздо более красивый и богато украшенный кубок, куда затем и было налито вино. Эта струя вина и была самым ярким и волнующим моментом всего образа. Как было отмечено выше, представляемый сосуд является символом – образом женственности женщины, которая представляет этот образ. Таким образом, старинная ваза, вначале находящаяся в музее, символизирует женственность Т. И., а красивый кубок – ее партнера, с которым она щедро делится своими жизненными силами. При анализе образа Т. И. отметила, что ее отчасти жертвенное поведение по отношению к партнеру является ее сознательным выбором, продиктованным ее религиозными убеждениями. Устойчивая и определенная эгоидентичность складывается в норме к концу юности, позволяя человеку совершать осознанные выборы как в профессиональной, так и личной жизни. По нашим наблюдениям, выборы и решения Т. И. не свободны от принудительности. В конце второго этапа

терапии Т. И. было предложено вспомнить свою любимую сказку в качестве проективного теста, так как именно любимая сказка содержит важные для человека представления о жизненных ценностях и своем месте в жизни. Т. И. рассказала сказку, которую сочинила ее мать и часто рассказывала ей в детстве. В этой сказке рассказывается о девочке, живущей в лесу и выхोдившей летчика, самолет которого потерпел аварию над этим лесом. Летчик выздоровел и улетел, а потом, пролетая над лесом, сбросил девочке большую коробку конфет. Анализ связи содержания этой сказки с жизнью Т. И. показал ей возможные причины ее сильного желания помогать и жертвовать своими интересами ради близкого человека.

Через год Т. И. сообщила о своем расставании с партнером и желании в скором времени переехать в Великобританию к дочери, имея при этом намерение непременно устроить свою личную жизнь. Таким образом, проведенная психотерапия позволила клиентке осознать и проработать диффузные составляющие своей идентичности, повысить самооценку, наметить собственные позитивные цели дальнейшей жизни.

Ссылки на источники

1. Эриксон Э. Детство и общество. – СПб.: ЗАО ИТД «Летний сад», 2000. – 416 с.
2. Там же.
3. Там же. – С. 260.
4. Кирсанова Л. И., Коротина О. А. Роль эстезиса в формировании идентичности народа. Территория новых возможностей // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2014. – № 4(27). – С. 129–140.
5. Эриксон Э. Указ. соч. – С. 273.
6. Там же. – С. 271.
7. Столору Р., Брандшафт Б., Атвуд Д. Клинический психоанализ. Интерсубъективный подход. – М.: «Когито-Центр», 1999. – С. 131.
8. Лёйнер Х. Кататимное переживание образов. – М.: Эйдос, 1996. – 340 с.
9. Обухов Я. Л. Символдрама и современный психоанализ: сб. ст. – Харьков: Регион-информ, 1999. – 282 с.

Rita Gimaeva,

Candidate of Psychological Sciences, certified psychotherapist, Associate Professor at the chair of philosophy and Juridical Psychology, Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok
grita1959@yandex.ru

On the influence of parent-child relationships in development of personal identity of a woman seeking for psychological help

Abstract. The paper presents the results of influence of parent-child relationships on formation of personal identity of women seeking psychological help. A specific example shows negative impact of the lack of harmonious affective preferences of parents on formation of identity and self-esteem. The author gives a brief description of psychotherapy method “symbol-drama” in cases of diffuse personal and sexual identity.

Key words: personal identity, gender identity, child-parent relationships, symbol-drama.

References

1. Jerikson, Je. (2000) *Detstvo i obshhestvo*, ZAO ITD “Letnij sad”, St. Petersburg, 416 p. (in Russian).
2. Ibid.
3. Ibid., p. 260.
4. Kirsanova, L. I. & Korotina, O. A. (2014) Rol' jestezisа v formirovanii identichnosti naroda. Territorija novyh vozmozhnostej”, *Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta jekonomiki i servisa*, № 4(27), pp. 129–140 (in Russian).
5. Jerikson, Je. (2000) Op. cit., p. 273.
6. Ibid., p. 271.
7. Stolorou, R., Brandshaft, B. & Atvud, D. (1999) *Klinicheskij psihoanaliz. Intersub#ektivnyj podhod*, “Kogito-Centr”, Moscow, p. 131 (in Russian).
8. Ljojner, H. (1996) *Katatimnoe perezhivanie obrazov*, Jejdos, Moscow, 340 p. (in Russian).
9. Obuhov, Ja. L. (1999) *Simvoldrama i sovremennyy psihoanaliz*: sb. St., Region-inform, Har'kov, 282 p. (in Russian).

Рекомендовано к публикации:

Горевым П. М., кандидатом педагогических наук,
 главным редактором журнала «Концепт»

Поступила в редакцию <i>Received</i>	18.06.15	Получена положительная рецензия <i>Received a positive review</i>	19.06.15
Принята к публикации <i>Accepted for publication</i>	19.06.15	Опубликована <i>Published</i>	28.26.15

www.e-koncept.ru

© Концепт, научно-методический электронный журнал, 2015

© Гимаева Р. М., 2015